

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «НЕНАСИЛИЕ»: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ЕГО ФИЛОСОФСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Донцов Никита Вадимович

Финансовый Университет при Правительстве РФ
NVdontsov@gmail.com

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF NON-VIOLENCE: THE HISTORY OF THE QUESTION AND ITS PHILOSOPHICAL AND ETHICAL INTERPRETATION

N. Dontsov

Summary. The relevance of the research topic primarily due to the modern scientific paradigm of humanitarian — anthropocentric and, in particular, sustained by the interest of modern science to the human being as a person and role of the studied objects (in this case non-violence) to humans.

The concept of «nonviolence» means a categorical refusal to put himself in a human relationship above the other, to judge him. The ethics of nonviolence ties into one inextricable knot the salvation of man and the salvation of the world, and believes that this way of salvation is through nonviolence.

The purpose of this scientific article is to determine the characteristics of formation and specific characteristics of an ethics of non-violence as an ethical paradigm. To achieve this goal in this paper has accomplished the following:

- 1) the history of the development and content of the ethics of non-violence;
- 2) an overview of manic politicians, educators and philosophers, regarding the power of non-violence.

Keywords: nonviolence, gumanisticheskaya paradigm, social life, the salvation of man, middle Ages, Renaissance.

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, современной научной гуманитарной парадигмой — антропоцентрической и, в частности, устойчивым интересом современной науки к человеку как личности и роли изучаемых объектов (в данном случае — ненасилия) для человека.

Понятие «ненасилие» означает категорический отказ от того, чтобы ставить себя в человеческом отношении выше другого, быть ему судьей. Этика ненасилия связывает в один неразрывный узел спасение человека и спасение мира, и полагает, что путь такого спасения лежит через ненасилие.

Целью данной научной статьи является определение особенностей становления и специфических характеристик этики ненасилия как этической парадигмы. Для достижения поставленной цели в данной работе было сделано следующее:

- 1) рассмотрена история развития и содержание этики ненасилия;
- 2) сделан обзор мнений политиков, педагогов и философов по поводу силы ненасилия.

Ключевые слова: ненасилие, гуманистическая парадигма, общественная жизнь, спасение человека, Средневековье, Эпоха Возрождения.

«Ненасилие» — этический, культурологический и социально-философский «принцип, согласно которому границы морали совпадают с отрицанием насилия» [5].

Термин «ненасилие» аналогичен в немецком языке понятию «Gewaltlosigkeit», в английском и французском «nonviolence» — является не точным переводом с санскрита термина «ahimsā», обозначающий — неубиение — «непричинение вреда всему живому в физическом, ментальном, эмоциональном и моральном планах» [8].

Возникновение ненасилия, как ценности, возможно, связана с формированием антропологического мировоззрения в эпоху Осевого времени (нем. Achsenzeit), которую обозначил К. Ясперс [14].

Идея ненасилия — нормативная конкретизация понятия «золотое правило нравственности» [8].

Принцип ненасилия, в данную эпоху, находит свое актуальное присутствие во многих религиях и проявлениях духовной культуры (Например, именно понятие «ахимса» (санскр, ahimsā) или схожему с ним, по основным свойствам, понятию «у-вэй», обозначающему «не-деяние» или «созерцательная пассивность», отводится главное значение в религиозно-философских и нравственно-этических учениях даосизма, джайнизма, буддизма, йоги [10, С. 23]).

В период Средневековья, Возрождения, Просвещения и Нового времени христианская ценность «ненасилие» и «непротивления злу» не были интерпретированы как

обязательные этические ценности человека: даже христианские теологи и гуманисты оправдывали насилие, в разных формах, как возможное орудие справедливости: например «справедливые войны» у Августина[1], «смертную казнь» у И. Канта: «Итак, сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам» [6] и др.

Важнейшая трансформация взглядов на понятие ненасилие изменение во взгляде на ненасилие связана в первую очередь, с философами, общественными деятелями Л. Н. Толстым, М. Ганди, М. Л. Кингом. Они понимали идею ненасилия как первопринцип нравственности, который либо абсолютно не допускает насилия в практическом использовании, либо его допускает в крайне ограниченных случаях.

Толстой полагал, что главным основанием большинства религиозных и гуманистических философских учений является правило любви, в самом широком смысле слова. Данное правило, в практическом смысле реализуется в принципе «непротивление злу» Правило любви и непротивление злу, по его словам, наиболее глубоко и содержательно выражено в Евангелие.

М. Ганди, будучи идейным последователем Л. Н. Толстого, полагал все мировые религии соответствующими гуманистическим, нравственным ориентирам и закону любви. Ганди, будучи политиком пытался интерпретировать феномен «ненасилие» в социальной практике. Для этого он сформулировал новое понятие «сатьяграха» (санскр. atyāgraha, «стремление к истине», «упорство в истине»).

Кроме того, М. Ганди понимал ценность «ненасилие» как основу обыденной общественной жизни. Теоретический и практический опыт ненасильственной борьбы в Индии использовал американский священник М. Л. Кинг в «Движении за гражданские права чернокожих в США» (англ. Civil Rights Movement), развернувшейся в 50–60-е гг. XX в. Основные принципы этой борьбы Кинг обозначил в труде «Паломничество к насилию» [7, С. 168–181]:

- ◆ во-первых, практика ненасилия — это борьба и путь только для сильных людей;
- ◆ во-вторых, использование принципа «ненасилие» неизбежно обращено к совести и разуму оппонента;
- ◆ в-третьих, идея ненасилия направлена против зла, заключающегося в человеке, но не против самого человека, делающего зло;
- ◆ в-четвертых, сторонник идеи ненасилия обязан принимать полученные, по отношению к себе, страдания без ответной мести;

- ◆ в-пятых, сторонник практики ненасилия должен стремиться избегать применения не только физического насилия, но и насилия в желаниях и помыслах, по отношению к другому, и побеждать оппонента духовной любовью;
- ◆ в-шестых, идейная основа практики ненасилия заключается в вере в онтологическую справедливость бытия и души человека.

Таким образом, феномен «ненасилие» с неизбежностью актуализирован в современном культурном и социально- философском пространствах: он возник в Древней философии Индии и Китая, трансформировался в духовной культуре христианства; присутствовал как ценность в Средневековье, Возрождении, Просвещении и Новом времени, использовался в учении «непротивление злу» Л. Н. Толстым, понятии «сатьяграха» М. Ганди, а затем в практике обращения к совести врага в «Движении за гражданские права чернокожих в США» М. Л. Кинга.

Слово «ненасилие» в последние годы стало довольно популярным в мире. Распространение идеи ненасилия в современном общественном сознании представляет несомненный факт. Но было бы наивным полагать, что идея ненасилия обретает практические очертания, становится и фактом общественной практики. Скорее, наоборот, насилие возросло как на уровне государства, так и на уровне индивидуального поведения.

Люди легко прибегают к насилию (прямо или косвенно) в самых разнообразных конфликтных ситуациях. Рост насилия во всех его формах, возможно, соразмерен снижению действенности государственно-административных и правоохранительных институтов общества. Вне меньшей степени здесь сказалось и резкое падение общественных нравов и общественной дисциплины.

В начале третьего тысячелетия, когда рост насилия является доминирующей тенденцией в мире, все большее значение для человечества приобретает идея ненасилия, которая в силу отхода от вульгарно-социологических концепций привлекает сегодня внимание все большего числа людей во всем мире.

Оппозицией насилию, а вместе с тем единственным адекватным средством борьбы за социальную справедливость является ненасилие. Во-первых, ненасилие предполагает решение различных социальных конфликтов через сотрудничество. Оно исходит из убеждения, что любой индивид обладает правом достойного выбора. Оно нацеливает на то, чтобы понять противоборствующую сторону, признать законность её интересов и притязаний. Сам поиск компромисса является совместным. Во-вторых, ненасильственные формы

урегулирования конфликтов являются массовыми, требующими активного участия и сознательных решений со стороны всех индивидов, вовлеченных в данный конфликт. В-третьих, ненасилие требует от индивидов исключительного напряжения познавательных и нравственных сил — познавательных, ибо ситуация ненасилия стремится положительно учесть все многообразие окружающей действительности.

Идея ненасилия возникла еще в эпоху древности. Она обнаруживается в любой религиозной и философско-этической системе. Огромный вклад в разработку жизнеутверждающей идеи внесли Г. Торо, Э. Балу, Л.Н. Толстой, М. Ганди, М.-Л.Кинг, Н.К. Рерих, А. Швейцер и др. Сегодня идея ненасилия стала предметом исследования философов А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна, Е.Д. Мелешко, А.Б. Грамолина, педагога В.А. Ситарова, психолога В.Г. Маралова и др.

Осмыслить идею ненасилия нельзя вне ее соотношения с понятием насилия. Насилие, как свидетельствует этимология слова, есть применение силы, опора на силу, действие с помощью силы. Но насилие — не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. От других форм общественного принуждения насилие отличается тем, что оно доходит до пределов жестокости, характерных для природной борьбы за существование. Не случайно насилие прямо отождествляется (во всех его многообразных проявлениях) со злом вообще.

Ненасилие выступает как альтернатива насилию, как путь, метод, позволяющий строить отношения с миром не на разрушительной, а на созидательной основе, как некий универсальный принцип, регулирующий отношение человека к миру и другим людям. Являясь выражением любви, будучи особым жизнеутверждающим принципом, нормативной программой личного и общественного поведения, он знаменует преодоление субъектом, исповедующим его, собственного эгоцентризма и способности к позитивному взаимодействию.

Противники идеи ненасилия, опираясь на тезис о злом начале в человеке, ставят вопрос об оправданности насилия, возможности его использования в определенных ситуациях. Обычный довод состоит в том, что насилие оправдано в сравнительно малых дозах, — в тех случаях, когда оно предотвращает большее насилие, которое к тому же никаким иным способом предотвратить невозможно. На это А. А. Гусейнов замечает, что не существует единицы измерения насилия. Проблема становится особенно безнадежной, когда речь идет об упреждении насилия [5]. Л.Н. Толстой говорил: пока насилие

не совершено, никогда нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что оно будет совершено и потому попытки оправдать одно насилие необходимостью предотвращения другого всегда будут логически уязвимыми и нравственно сомнительными [13].

Ненасильственная борьба вписывается в общую концепцию, согласно которой душа человека является ареной столкновения добра и зла. «Даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла!» [7, С. 168–181], — пишет М.-Л. Кинг. Считать человека злым существом — значит клеветать на него. Считать человека добрым существом — значит льстить ему. Признавать моральную амбивалентность природы человека — значит воздать ему должное. Словом, практика ненасилия невозможна как без метафизики добра, так и без метафизики зла. Именно такая сугубо трезвая, реалистическая концепция человека является исходной основой и своего рода философской гарантией ответственности ненасильственной борьбы.

Ненасильственные акции, понимаемые как альтернативный покорности и насилию способ поведения в конфликтной ситуации, вполне могут быть осмыслены как конкретная тактика добра в борьбе со злом, практическая этика любви и сотрудничества. Чтобы могла состояться ненасильственная акция, его сторонникам необходимо:

- а) отказаться от монополии на истину в том совершенно определенном смысле, что они тоже могут ошибаться, и как люди, которые не возвещают истину, а только ищут ее, должны быть готовы к изменениям, открыты для диалога и компромиссов;
- б) осознать, что они вполне могли бы быть на месте своих оппонентов, и, чувствуя свою причастность ко злу, не к абстрактному, а к тому вполне конкретному злу, с которым они ведут борьбу, критически анализировать свое поведение под углом зрения того, что могло бы в нем питать и провоцировать враждебную позицию оппонентов;
- в) исходя из убеждения, что как бы индивид ни погряз в преступлениях, он лучше того, что он делает и а нем всегда сохраняется возможность преобразования, искать такого выхода, который позволил бы оппоненту сохранить достоинство, ни в коем случае не унижал его;
- г) не настаивать на своем, не отвергать с ходу точку зрения оппонентов, а искать приемлемые решения;
- д) пытаться превращать врагов в друзей, бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним; если насилие, покоряя и убивая противников, лишь временно заглушает конфликт, но не устраняет его причин, то ненасильственная акция направлена на устранение самой основы конфликта и предла-

гает перспективу взаимоотношений, когда предшествующее зло не является препятствием для последующего сотрудничества. Она направлена на такое изменение внешней конфигурации конфликтующих сторон, которое переходит в изменение их внутреннего — духовного, волевого — состояния.

Таким образом, своеобразие моральной позиции сторонников ненасильственной акции состоит в том, что они понимают собственную ответственность за зло, против которого борются, и приобщают «врагов» к тому добру, во имя которого ведут свою борьбу. Ненасильственная акция бесхитростна, и в этом состоит вся ее хитрость!

Ненасильственная деятельность снимает проблему безнравственных средств по определению: она является обязательством достигать целей, не выходя за нравственно дозволенные рамки, не прибегая к такому испытанному оружию зла как насилие. Она имеет самоценное значение, заключает в себе то начало справедливости, во имя которой ведется. В ненасильственной деятельности средства и цели располагаются в качественно однородной нравственной плоскости и приближаются друг к другу настолько, злом.

Сторонники ненасильственной борьбы хорошо знают и придают программное значение словам Ганди о том, что насильственное сопротивление лучше, чем трусость. Отождествлять ненасилие с пассивностью — значит не понимать его природы; помимо огромной внутренней работы и духовной активности, направленной помимо всего прочего и не в последнюю очередь на преодоление страха, оно в практическом аспекте предполагает продуманную наступательную тактику, определенную технологию деятельности, противостояние и воздействие на людей и институты с целью вызвать изменение в их позиции.

Ненасилие — не абстрактная норма, которую остается лишь употреблять в дело, не состояние, которое кем-то или когда-то может быть достигнуто. Оно прежде всего представляет собой ненасильственную, направляемую силой любви и правды борьбу против зла и несправедливости, за выправление отношений в собственной душе и в мире. Оно не отсекает, не отрезает, а именно выправляет человеческие деформации, имея силу, чтобы противостоять страшным силам зла, и имея трезвое сознание того, что противостояние это не является единовременным актом, вообще не знает конца. Если не бояться тавтологии, можно сказать, что оно является ненасильственным путем к ненасилию. Это — не усилие, которое должно привести к истине. Это — истина, которая состоит в усилении. И мужество, которое

требуется для ненасильственной борьбы и формируется ею, есть мужество ответственного существования в этом прекрасном и несовершенном мире.

Под философией ненасилия подразумевается система этических, нравственных, психологических, социологических и собственно философских идей, теорий, взглядов, касающихся ненасильственного бытия человека в обществе, в духе отрицания войны и любой иной формы насилия.

У истоков ненасилия в политике стоят Г.-Д. Торо, Л. Н. Толстой, М. Ганди, М. Л. Кинг. Один из ключевых пунктов их воззрений состоит в идее уклонения от насилия, которое препятствует умножению зла в мире. М. Л. Кинг утверждает: «На протяжении всего существования жизни кто-нибудь должен иметь достаточно разума и моральности, чтобы разорвать цепочку зла и ненависти» [7, С. 168–181].

У Г.-Д. Торо речь идет об индивидуальном гражданском неповиновении, Л. Н. Толстой пишет о непротавлении злу насилием, М. Ганди декларирует ненасильственное сопротивление, концептуализированное в доктрине, названной им «Сатьяграха» (в пер. с санскр. Satya — «истина, тождественная любви»; Graha — «сила»; Satyagraha — «истинная сила, тождественная любви»), М. Л. Кинг интерпретирует укорененную в европейской культурной традиции идею беспредпосылочной любви — агапэ.

М. Л. Кинг писал: «Пятым пунктом, определяющим ненасильственное сопротивление, является то, что с его помощью можно избежать не только внешнего физического насилия, но и внутреннего насилия духа» [7, С. 168–181].

Несмотря на присутствие религиозных истоков, отсылающих к внеположенным социальному пространству основаниям мира, идеи названных авторов занимают важное место не только в духовном, но и практическом опыте политических преобразований. Г.-Д. Торо и Л. Н. Толстой закладывают этический базис идеологии ненасильственного сопротивления социальному угнетению в политике, хотя последний и не был практиком. Затем М. Ганди разрабатывает конкретные средства ненасильственной борьбы, применимые к реальным социальным процессам, а М. Л. Кинг ассимилирует их в контексте сражения афроамериканцев против сегрегации.

М. Ганди называет свою доктрину «Сатьяграха», отмечаясь от укорененного в индийской культуре принципа ахимсы (уклонения от совершения зла), который он использовал, но отказался впоследствии в силу недоста-

точной выраженности в нем интенции на активное преобразование положения в обществе.

В этом часто усматривается демаркация ненасильственной борьбы с пацифизмом. Однако М.Л. Кинг пишет: «Мое изучение Ганди убедило меня, что настоящий пацифизм является не несопротивлением злу, а ненасильственным сопротивлением злу» [7, С. 168–181].

Сатьяграха представляет собой комплексную программу действий, содержащую ряд конкретных решений для реализации ненасильственной политической борьбы, среди которых отчетливо выделяются «отказ от сотрудничества с властями» и «гражданское неповиновение». Значимость отказа от сотрудничества состоит в разрушении властного качества. Когда сторона, находящаяся в подчинении лишается готовности к нему, то властный характер отношения упраздняется. Гражданское неповиновение предстает более активной формой воздействия на проявления социальной несправедливости. Его суть заключается в сознательном неисполнении юридических законов, противоречащих требованиям морали. Гражданское неповиновение требует от сторонника ненасильственных действий большей, чем в случае отказа сотрудничать, морально-психологической подготовки для перенесения санкций со стороны юридической системы. Оно является следующей за отказом от сотрудничества стадией ненасильственной борьбы. Если противостоящая сторона проявляет насилие, то нельзя не только препятствовать ему, но и допускать эмоциональную агрессию в виде ненависти, злобы и т.п. Задача сатьяграхи — стимулировать осознанное чувство моральной неправоты у оппонентов. М.Л. Кинг отмечает стремление М. Ганди «вызвать чувство стыда у противника и тем самым произвести изменения в его сердце» [7, С. 168–181]. Важным фактором ответственности избранной стратегии является моральная развитость противника, на чем акцентирует внимание М.Л. Кинг. Общественно-политический деятель пишет: «Оно (ненасильственное сопротивление) может иметь успех только в том случае... если те группировки, против которых сопротивление направлено, обладают определенным уровнем развития морального сознания, как это было в борьбе Ганди против англичан» [7, С. 168–181]. Обозначенная позиция требует дополнения: стратегия непротивления злу открывает перспективу создания негативной моральной оценки действий актора, применяющего насилие, со стороны общественного мнения (третьей стороной) и оказания им влияния на ситуацию.

Еще одним аспектом, ставящим под сомнение практическую значимость идеологии ненасилия, следует считать необходимость в моральном усовершенствовании

людей, отмечаемую ее апологетами. «Необходима достаточно напряженная подготовка,— пишет М. Ганди,— чтобы ненасилие стало составной частью менталитета» [3, С. 65–66]. Обозначенное требование делает рассматриваемую доктрину проектом должного, но не сущего. «На самом деле лучше тот строй,— замечает Б. Сутор,— который, прежде всего, отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности...» [12, С. 61–71].

В этике ненасилия нет альтернативы жесткому размежеванию с насилием, воплощающим в себе аморальность и зло. Разрешение противоречия между ненасилием и насилием, добром и злом, моралью и аморальностью становится возможным в рамках понимания диалектического характера политического процесса. В нем силовые средства отрицания насилия как аморального зла получают качественную определенность добра. «И борьба против угнетения,— пишет Ж.-П. Сартр,— является борьбой против отрицания. То есть, в марксистской терминологии, отрицанием отрицания» [11, С. 251–261].

Ненасилие, целенаправленно отрицающее насилие, становится нравственно обоснованным средством политики. М. Вебер отмечает: «...ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты» [2]. Без такого использования силы невозможно обеспечить правопорядок, на котором держится общественная безопасность. Этика ненасилия, в которой отсутствует диалектическое снятие противоречия между противоположностями, демонстрирует свою ограниченную состоятельность, она по-своему механистична и не способна объяснить, каким образом происходит переход в новое качество.

Ганди был недоволен словом ахимса именно из-за того, что оно скрадывало активный, творческий аспект ненасилия и он впоследствии остановился на термине «сатьяграха», составленном из слов, обозначающих правду и твердость, и интерпретировал его как силу любви и правды. Этот второй, позитивный и более существенный, аспект философии и практики ненасилия не получил, к сожалению, в русском языке, как в других европейских языках, терминологического воплощения [3, С. 65–66].

Заключение

В результате анализа проблемы было установлено следующее:

1. Принцип ненасилия находит свое актуальное присутствие во многих религиях и проявлениях духовной культуры (Например, именно понятию

«ахимса» или схожему с ним понятию «у-вэй», обозначающему «не-деяние», отводится главное значение в религиозно-философских и нравственно-этических учениях даосизма, джайнизма, буддизма, йоги.

2. В европейскую культуру, идея ненасилия, была привнесена, в первую очередь, христианской этикой, выраженной в Нагорной проповеди Иисуса Христа.

3. В период Средневековья, Возрождения, Просвещения и Нового времени христианская ценность «ненасилия» и «непротивления злу» не были интерпретированы как обязательные этические ценности человека: даже христианские теологи и гуманисты оправдывали насилие, в разных формах, как возможное орудие справедливости.

4. У истоков ненасилия в политике стоят Г.-Д. Торо, Л. Н. Толстой, М. Ганди, М.Л. Кинг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О Граде Божием [Электронный ресурс] / Блаженный Августин // Гражданское общество: научная электронная библиотека. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_18–22.pdf (дата обращения: 16.04.2017).
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. — М., 1990.
3. Ганди, М. Моя вера в ненасилие / М. Ганди // Вопросы философии. — 1992. — № 3. — С. 65–66.
4. Гусейнов, А. А. Ненасилие: философия, этика, политика / А. А. Гусейнов. — М.: Наука, 1993.
5. Гусейнов А. А. Ненасилие [Электронный ресурс] / А. А. Гусейнов // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. — URL: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (дата обращения: 15.04.2017).
6. Кант И. Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности / И. Кант. — М.: Мысль, 1999. — 1472 с.
7. Кинг, М.-Л. Паломничество к ненасилию / М.-Л. Кинг // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. — М.: Республика, 1992. — С. 168–181.
8. Мезенцева О. В. Ахимса [Электронный ресурс] / О. В. Мезенцева // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. — URL: <http://iphras.ru/elib/0329.html> (дата обращения: 16.04.2017).
9. Мелешко, Е. Д. Философия непротивления Л. Н. Толстого: Аргументы разума и аргументы жизни / Е.Д Мелешко // Толстой и современный мир, — Тула, 1998. — С. 29–31
10. Пряхин Н. Г. Проблема ненасилия и недеяния в восточной философии и культуре (Древняя Индия — Древний Китай) // Мир человека. 2007. № 4. — С. 23.
11. Сартр Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (тетради по морали) / Ж.-П. Сартр // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. — М.: Республика, 1992. — С. 251–261.
12. Сутор Б. Политическая этика / Б. Сутор // Полис. — 1993. — № 1. — С. 61–71.
13. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. В 57 т. / Л. Н. Толстой. — М., 1954–1956.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Республика, 1991. — С. 32–50.

© Донцов Никита Вадимович (NVdontsov@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый Университет при Правительстве РФ